

ГЛАВА 1

Новость о его увольнении разнеслась мгновенно.

Матвей шел по коридору в бухгалтерию, чтобы написать обходной лист, и в глазах встречавшихся, теперь уже бывших коллег, он видел жалость.

Его жалели.

После расчета к Матвею по очереди подходили сотрудники. Говорили что-то ободряющее, напутствующее. Пожимали руку. Приглашали заходить на чай.

Это было похоже на гражданскую панихиду. Такие же пустые лица, подернутые налетом скорби по ушедшему. Такие же напыщенные и никому не нужные слова.

Двое не подошли – Роман Кудрявцев и Женя Шубин – его коллеги по отделу и соратники по корпоративной борьбе.

Их оставили. Уволили одного Матвея.

– Знаешь, я тебе даже завидую. Немного... – неожиданно призналась Оксана, юрист компании.

– Ты намеки руководству, чтобы знали, кого следующим увольнять, – нехотя пошутил Матвей.

– Я не тебе в принципе, я вообще всем завидую... Ну, тем, кто уходит, – пояснила она. – У тебя впереди что-то новенькое: новая работа, новые люди.

– Заявление напиши – и вперед, к новым людям, – съязвил Матвей.

– Мне и тут хорошо. В принципе... – задумчиво ответила Оксана.

Она была порывистой, участливой и справедливой. И совершенно непохожей на человека, который зарабатывает, жонглируя законами.

Иногда ее можно было встретить в коридоре, где она быстро ходила взад-вперед и что-то бормотала себе под нос. На вопрос «что делаешь?» она смущалась, краснела и убегала. Матвею казалось, что она пишет стихи.

Как-то на корпоративе Матвей разговорился с Оксаной. Алкоголь – нехитрая отмычка, чтобы открыть в женщине потайную дверцу, за которой часто скрываются скелеты прошлых глупостей и тени бывших мужчин. Если подойти к делу с умом, то влитое в собеседницу спиртное выльется непрерывным потоком историй. Главное в этот момент – остаться равнодушным к обильным брызгам эмоций и вовремя осаживать пену кипящих чувств.

Оксана выпила вина. Сначала смеялась, потом загрустила. С негодованием рассказала о неудачной попытке договориться с начальником.

– Я ему предложила выгодную сделку, – громко и горячо говорила она, глядя на Матвея блестящими, большими и уже слегка шалыми глазами. – Представляешь, я ему сказала: «Дайте мне выходные в солнечные дни, а все пасмурные – я буду работать».

– Не понял, – признался Матвей.

– Ну как? – разгорячилась она. – Что непонятного? В Питере примерно семьдесят солнечных дней в году. А по календарю – у нас около ста выходных. Я бы работала больше за те же деньги. Выгодно, а он отказал.

– Почему?

– Говорит, вдруг вся неделя солнечной будет, а у нас претензия или иск?

– А тебе-то зачем выходные в солнечные дни? – спросил Матвей. – Отдыхай, как все люди, в субботу, воскресенье...

– Неужели не понимаешь? – Оксана с недоумением и жалостью посмотрела на Матвея. – Это же солнце... И так везде одна серость. Хоть какая-то радость.

– В солярий сходи.

– Ладно, – она опять задумалась, отпила из бокала и неожиданно поделилась впечатлениями о недавнем свидании.

– Понимаешь, он сказал, что хочет мной обладать.

– Что, так сразу? – поинтересовался Матвей.

– Ну, не сразу. Мы посидели, выпили кофе. Я что-то съела: пудинг или штрудель. Кстати, знаешь, чем они отличаются?

– Не очень, – признался Матвей.

– Я тоже не очень. Так вот, а потом он заявил: «Хочу тобой обладать!»

– А ты? – спросил Матвей.

– А я ответила: «Почему ты считаешь, что, засунув в женщину двадцать сантиметров плоти, ты можешь ею обладать?»

– Ну а он?

– Он покраснел и сказал, что не в сантиметрах, вообще-то, счастье. На том и разошлись.

– Да уж... И много у тебя встреч было? Подобных? – поинтересовался Матвей.

– Сто, может быть, сто пятьдесят. Это сейчас называется – мэтчи. Я бы назвала – матчи.

– Потому что игра идет вничью? – Матвей улыбнулся случайной шутке.

– Потому что после этих встреч материться хочется...

Оксана была красивой и одинокой. Мужчины часто избегают красивых женщин, но не потому, что боятся. Красивой женщине придется соответствовать: что-то предпринимать, тратить силы, энергию... А если завтра война?

– Ты не торопись, – продолжила Оксана. – Отдохни, подумай. В музей сходи, на выставку. Работа не волк...

– У меня – ипотека. И автокредит не выплачен. А банки – хуже волков. Те еще шакалы... Вцепятся и обглодают до костей, – поделился переживаниями Матвей. – Думай не думай – отдохнуть не получится...

Оксана внимательно посмотрела на него и улыбнулась:

– Ладно, счастливо тебе. Хорошо устроиться...

Она ушла. Матвей посмотрел ей вслед. Подумал, что, даже не видя лица, можно определить, красивая женщина или не очень. Красивая всегда идет уверенно, как хозяйка. Некрасивая – робко, словно гостя.

Пора было уходить и Матвею. Он огляделся, чтобы понять, с кем еще не попрощался. Бывшие коллеги уже «переварили» утреннюю новость и готовились подкрепиться чем-то более сытным. Некоторые доставали ланч-боксы; менее запасливые собирались в кафе.

Шубин с Кудрявцевым так и не подошли. Они сидели, сгорбившись, ссутулившись, напряженно вглядываясь в мониторы. Внешне совсем непохожие, они почти зеркально повторяли движения друг друга. Двигая мышку, бездумно водили курсором по экрану. Иногда что-то медленно и нехотя набирали на клавиатуре.

Матвей подошел сам. Молча пожал руку Шубину, потом – Кудрявцеву. Матвей не злился на бывших коллег. Просто говорить стало уже не о чем. Они не были виноваты, что Матвея уволили, а их – нет.

И вдруг Матвей понял: Шубину и Кудрявцеву очень хотелось, чтобы он поскорее ушел. Вместе с Матвеем ушло бы чувство вины, которое, видимо, их всё-таки тяготило. Осталась бы только маленькая, но острая радость, которую обычно испытывают, если неприятности случаются с другими.

На улице шумел и переливался свежий весенний день. В такие дни приятно начинать новую жизнь.

Матвей вышел из бизнес-центра. Обернулся. Вгляделся в здание, в людей, куривших у входа.

И окончательно понял: его уволили. Навсегда.

Это случилось так быстро, неожиданно и сразу, что только теперь Матвей до конца осознал, что произошло. Он почувствовал, как где-то в области желудка возник плотный комок, который за несколько секунд вырос до размера футбольного мяча и тяжело сдавил его изнутри. Потом что-то мелко и противно запульсировало в подвздошь. Матвей сглотнул и почувствовал, как волна дрожи, а за ней – жара пробежали по телу.

Теперь всё пойдет по-другому. Он опять начнет рассылать резюме, писать объемные сопроводительные письма и ждать приглашений на собеседования. Будет робко заглядывать в кабинет HR-ра и вымученно улыбаться. Станет энергичным, коммуникабельным и креативным, демонстрируя на собеседовании все отсутствующие у него качества и таланты.

Когда Матвей был маленьким, он боялся темноты, ремня, которым его хлестали родители, и школьного хулигана Шлыкова. Потом боялся не поступить в институт, а когда поступил – боялся завалить очередную сессию или не сдать госэкзамены.

Матвей становился старше, и его страхи выросли вместе с ним. В последние годы Матвей боялся заболеть раком, просрочить оплату кредитов и очень боялся перемен.

Говорят, что страхи сбываются, но это не так. С людьми случается то, что должно случиться. Страхи помогают подготовиться, чтобы успеть что-то изменить.

Матвей не успел. На банковской карточке лежал месячный оклад, с которого нужно было еще внести ежемесячные платежи по ипотеке и автокредиту. Накоплений не было, сбережений – тоже. Прожить на зарплату жены было так же фантастично, как вырастить помидоры на асфальте.

Матвей глубоко вздохнул, и ему стало легче. Спазм внутри ослабел и уже не был таким каменным, как несколько минут назад.

Парковка бизнес-центра начиналась сразу у входа. Автомобили приехавших пораньше сотрудников гордо и стройно занимали размеченные места, с неодобрением упираясь фарами в бока машин, прижавшихся к ним вторым рядом. Кое-где над плоскими седанами надменно возвышались черные, с острыми гранями, джипы – огромные и неприступные, как скалы.

Надо было ехать домой. В Кудрово...

Санкт-Петербург – это не только Нева, каналы, дворцы и сотни исторических зданий. Как и в любом городе, в Питере полно мест, где просто выстроены дома. Кудрово – как раз такое место.

Навигатор в смартфоне механически-заботливо предупредил о пробке. Спешить было некуда. Чтобы заглушить тревожные мысли, Матвей включил музыку и прибавил громкость...

На детской площадке у дома было шумно, весело и беззаботно. Малыши, одетые в разноцветные пухлые куртки, карабкались на горку, возились в еще сыром песке и радостно орали.

Большинство парковочных мест было свободно. Таким свой двор Матвей видел редко. Обычно, приезжая поздно вечером, он делал по несколько кругов, чтобы хоть куда-то втиснуть машину. Забито было всё: двор, подъезды к дому и даже небольшая площадка у мусорных баков.

Ранней весной кто-то на внедорожнике нагло влезал и на газон, оставляя после себя глубокие следы во влажной подтаявшей земле. Колеи заполнялись водой, превращались в ямы и глубокие лужи. Газон быстро стал похож на разбитую проселочную дорогу.

Жильцы возмущались, писали записки и оставляли их на лобовом стекле внедорожника. Несколько мужчин хотели серьезно поговорить с хозяином, но застать

его у машины не удавалось. Собиралась даже инициативная группа, члены которой планировали обойти квартиры и выяснить, чей это джип. Дом был новым, соседи почти не знали друг друга.

Этого не понадобилось. Однажды ночью кто-то взгромоздил на капот внедорожника старый, с желтыми подтеками унитаз, который прижимал плакат с надписью: «Приз за лучшую парковку». Соседи смеялись и дружно фотографировали инсталляцию. Хозяин в тот день так и не появился. Унитаз стоял на внедорожнике, как символ неминуемого возмездия. На следующее утро на газоне не было ни внедорожника, ни унитаза.

Матвей не понял, зачем хозяин внедорожника увез с собой унитаз. Вряд ли он его просто выбросил. Скорее всего, в отместку тоже плюхнул кому-нибудь на капот, чтобы заглушить обиду. Способ, конечно, сомнительный, но действенный. Отяжеляет совесть, зато облегчает душу.

Полгода назад, осенью, когда Матвей с женой купили квартиру, их новый, едва построенный дом был свежим и чистым. Кнопки современного лифта непривычно блестели. Оштукатуренные стены на лестничных площадках были девственно нетронутыми.

– Хочется, чтобы всегда так было, – сказала Матвеев жена, когда они въезжали.

Грузчики носили мебель и вещи. Матвей с супругой заботливо и немного подхалимски придерживали им двери.

– «Так» – это как? – спросил Матвей.

– Так, как сейчас. Чисто, аккуратно. Ни окурков, ни нацарапанных пошлостей. И без выжженных пятен, – ответила жена.

– Будет, – заверил Матвей. – Только недолго...

До этого они жили в старой девятиэтажке. Изгаженный лифт часто не работал. Когда он со скрипом всё-таки раздвигал узкие двери, взгляду открывались

однообразные черные надписи и сожженные, искрошившиеся кнопки с неразличимыми цифрами. Слоганы рекламных постеров были грубо отредактированы неизвестными авторами.

Скромной площадью лифта неизвестные авторы не ограничивались и регулярно оставляли свои автографы на израненных стенах и несвежих потолках лестничных площадок. Обнаружив очередное безобразие, Матвей злился, но недолго.

Злость сменялась стыдом. Подростком Матвей тоже жег стены спичками и выцарапывал гвоздем похабные слова. Это был его тайный протест против обнаруженной в самый разгар пубертата несправедливости.

Сколько себя помнил, Матвей всегда получал наставления. Со всех сторон строгие дяди и тети учили его, что нужно быть добрым, говорить правду и слушаться родителей. Позже оказалось, что эти же дяди и тети постоянно врут, злятся и никого не слушают, кроме себя.

Взрослые налагали строжайшие запреты на алкоголь, сигареты, мат и ночные прогулки. Причем сами поголовно курили, выпивали, матерились и гуляли, сколько хотели.

Это было страшно несправедливо.

Протестуя, Матвей приклеивал к потолку обшлюявленные горящие спички, которые выжигали на побелке крупные черные пятна. И толстым гвоздем он вспарывал штукатурку, покрытую зеленой краской, и оставлял на стенах подслушанные у взрослых матюги...

Матвей припарковался. Привычно мелькнула опасливая мысль, не занял ли он чужое место. Такой просчет вполне мог бы стоить пары проколотых колес, либо утром можно было обнаружить мешок мусора на капоте.

Во дворе девятиэтажки, где они жили раньше, такие случаи были привычным делом. Покупая квартиру, Матвей наивно надеялся, что переезд избавит его от парковочных проблем.

Но увы. Глупо было думать, что в новом доме люди начнут жить как-то по-новому: без ссор и споров, без отчаянно-безрассудного желания вырвать и захватить несколько дополнительных квадратных метров...

На скамейке у дома сидел Серега. Серега-блогер. Так Матвей в шутку называл его после того, как Серега с женой побывал у него в гостях.

Серега был первым, с кем Матвей познакомился в новом доме.

В день переезда Матвей ждал во дворе машину с мебелью и вещами. Машина задерживалась. Матвей звонил водителю, но тот неизменно отвечал, что стоит в пробке.

Матвей нервничал, потому что согласился на почасовую оплату рейса. Он поглядывал на часы и высчитывал, на сколько дороже обойдется переезд, если машина опоздает еще на час-полтора.

Худой светловолосый парень примерно тридцати пяти лет стоял во дворе недалеко от Матвея и, видимо, тоже чего-то ждал. Они встретились взглядом. Парень подошел к Матвею.

– Приветствую! – он улыбнулся и первым протянул руку. – Заселяетесь? В какую квартиру?

– В шестьдесят вторую, – машинально ответил Матвей. – А что?

– С новыми соседями знакомлюсь, – опять улыбнулся парень. – Серега. Сам неделю как переехал.

Он так и представился: не Сергей, а именно – Серега.

– Матвей, – и они еще раз пожали друг другу руки.

– Имя у тебя редкое, – Серега сразу перешел на «ты». – Не слышал такого раньше.

– Слышал, – сухо ответил Матвей. – Просто не встречал.

Разговаривать ему не хотелось. Машины не было. Бюджет на переезд увеличивался с каждой минутой. Но новый знакомый явно не собирался быстро свернуть общение.

Сергея ловко и складно, словно пересказывая выученный текст, рассказал Матвею, что недавно продал бабушкину квартиру, чтобы наконец-то купить свою. Разница при покупке получилась приличная, но после ремонта денег почти не осталось, поэтому запланированный отпуск под угрозой отмены. Сообщил, что трудится мастером на фабрике и каждый день ездит на работу в пригород, но дорога не напрягает, потому что без пробок и «против шерсти». В общем, вытряхнул на Матвея целый ворох банальностей, которыми обмениваются при знакомстве, чтобы ничего не говорить о себе.

Но тут подъехала машина с вещами, и грузчики начали таскать мебель. Серега где-то поддержал, что-то вовремя подхватил, пошутил с водителем и стал Матвею приятен. Немного поколебавшись, Матвей пригласил нового соседа вместе с супругой на новоселье.

Жену Матвея звали Яна. У нее была другая фамилия: он – Туманов, она – Аверьянова. Еще до свадьбы Яна сказала, что хочет остаться Аверьяновой. Сейчас модно не брать фамилию мужа.

– Разводиться будет легче, – пошутила тогда Яна. – Не придется менять фамилию.

– Можно и при разводе не менять, – резонно возразил Матвей.

– Дорогой, женщине носить фамилию бывшего мужа – всё равно что сделать татуировку на лбу: каждый день будет видеть и жалеть об ошибке молодости.

Матвей не стал спорить. Только одну женщину он когда-то хотел получить целиком... И не было в то время для него ничего важнее желания безраздельно владеть ее чувствами и мыслями, проникнуть в ее мечты, сны и даже воспоминания...

Но, к сожалению, такие женщины никогда не становятся женами. Точнее, становятся, но – чужими...

Матвей подошел к Сереге. Они поздоровались.

– У тебя сегодня что, выходной? – равнодушно спросил сосед.

– Нет, – про увольнение Матвей решил пока умолчать. – Уехал пораньше – дела. А у тебя?

– Так у меня посменка, два через два. Я ж тебе говорил. Сегодня-завтра курю, потом – опять арбайтен, – мрачно ответил Серега.

Он действительно закурил. Поджег сигарету и, слегка наклонив голову, уставился куда-то вниз. Серега затягивался глубоко; кончик сигареты вспыхивал; загорающийся табак потрескивал, выбрасывая небольшие искры. Матвей понял, что сосед чем-то расстроен...

На следующий день после знакомства Серега с женой пришел к Матвею домой праздновать новоселье. Серегину жену звали Анфиса. Гости принесли с собой небольшой вафельный торт и две бутылки недорогого вина.

Когда Серега и Анфиса вошли в квартиру, Матвей сразу понял, кто из них главный в семье. Анфиса была молодой темноволосой женщиной, на вид тридцати трех – тридцати пяти лет, но при этом крупной, мощной и уже слегка переспелой. Лицо ее было приятным, симпатичным и ухоженным, только глаза смотрели оценивающе, немного настороженно и хитровато. Одета она была в какое-то яркое, оранжево-красное, хорошо сидевшее на ней платье, явно недешевое или сшитое на заказ. На ее фоне Серега – худой светловолосый, в зеленых джинсах и светлой футболке, был похож на гладиолус, случайно высаженный рядом с пышным кустом роз.

Серега вытащил из пакета принесенное вино. Стоявшие на столе бутылки тихо звякнули, потеснившись, и приняли подруг в компанию.

Все быстро перезнакомились и сели за стол. Яна приготовила какой-то хитрый салат и запекла мясо с кусочками апельсина. Она любила экспериментировать, причем рецепты изобретала сама, а не брала

из кулинарных книг или с сайтов. Порой получалось плохо и невкусно, иногда вообще несъедобно. Каждый ужин был, словно лотерея, в которой Матвей довольно часто проигрывал...

Нередко застолье начинается с уверенности, что алкоголя на столе слишком много. Потом, в разгар веселья, приходит отчетливое и неоспоримое понимание, что его катастрофически мало. А наутро среди обломков надуманных идей, которые еще вчера казались такими свежими, острыми и даже гениальными, найдется лишь одна трезвая мысль – мучительная, как похмельная головная боль: количество выпитого так и не перешло в качество...

– Ну, за новоселье! – поднял бокал Серега. – Пусть в этом доме, как говорится, и стены помогают, и любит дорогая!..

Он хотел еще что-то добавить, но Анфиса перебила его:

– Главное, чтоб достаток был, – она посмотрела на Серегу, – стены не помогут, если сам себе не поможешь.

– Это точно, – согласилась Яна.

Бокалы опустели. Хозяева и гости закусили и выпили снова. Потом еще. Словно хотели поскорее достичь того уровня доверия, когда чужой и малознакомый человек становится близким, понятным, почти родным. Алкоголь незаменим в таких случаях.

«Приготовлено невкусно, но сгодится на закуску», – ковыряясь в тарелке, подумал Матвей. И решил запомнить шутку, чтобы озвучить при случае Яне. Он уже начал уставать от ее экспериментов...

Матвей не был голоден, но упорно закусывал; он знал, если пренебречь этим простым правилом, частые залпы алкогольной батареи могут сразить его наповал.

Вино коварно. Водка, виски или джин бьют в голову резко, как профессиональный боксер: хук справа, хук слева, два прямых, и жертва уже в салате. Вино плавно

и почти незаметно, словно мастер-дзюдоист, обхватывает за ноги, за руки, пригибает голову и вдруг – неожиданно бросает об стол, а порой – сразу на пол...

Вновь наполняя бокалы, Матвей немного пролил на скатерть: несмотря на меры предосторожности, прицельную точность движений сохранить не удалось. Беседа текла плавно, подпитываясь общими темами. Но самая актуальная обычно спрятана на дне совсем не первой и даже не второй бутылки.

Ему было интересно, как изменятся гости, когда спиртное внезапно разомкнет оковы приличия. Предвкушая что-то новенькое, Матвей щедро разливал вино, старательно недоливая себе.

Как поведет себя жена, Матвей представлял: Яна опьянеет незаметно, интеллигентно и спокойно. Потом что-нибудь обязательно уронит, неловко рассмеется и суетливо бросится поднимать упавший предмет. До конца посиделок больше не притронется к алкоголю и будет аккуратно пить сок.

Лишь однажды Яна разошлась. Совсем неожиданно...

Тогда они устроили себе романтические выходные в небольшом отеле, на первом этаже которого располагалась сауна с бассейном. Вечером, прихватив с собой вина, супруги направились туда, чтобы как следует погреться, поплавать и отдохнуть.

В помещении, где находилась сауна, висела такая густая и плотная атмосфера разврата, что прямо с порога хотелось вести себя разнузданно и непристойно. Глубокие кожаные кресла похотливо лоснились, словно призывая расположиться на них в замысловатых эротических позах. Бассейн маслянисто поблескивал и сулил погружение в бездонные глубины сладострастия.

Они выпили, погрелись в сауне, немного поплавали, и вдруг Яна сняла с себя купальник и начала плескаться нагишом. Раньше она не любила раздеваться где-либо, кроме супружеской спальни. Матвей с удивлением наблюдал, что нагота жены начала доставлять ей явное

удовольствие. Сначала она быстро плавала и странно улыбалась, переворачиваясь то на живот, то на спину. Потом запрыгала на месте, смеясь и откидывая мокрые волосы назад. И он видел, как ее небольшая грудь то погружается в воду, то вылетает из нее, влажно сияя.

Взбурдаженный невиданным зрелищем, Матвей поплыл к Яне для продолжения, но она неожиданно отстранилась, вылезла, надела купальник и ушла в сауну. Разыгравшаяся фантазия повлекла Матвея за ней, однако Яна опять твердо отклонила его притязания и сказала, что готова только в номере, а в сауне – категорически не будет

...Анфиса не отрывала угрюмо-тяжелого взгляда от мужа, и Матвей понял, что Серега опьянел. Анфиса же казалась гораздо трезвей остальных, хотя пила наравне со всеми, не пропуская ни единого тоста.

Серега раскраснелся, говорил громко, иногда смеялся невпопад, когда Матвей так же невпопад пытался острить. Разошедшийся сосед бурно жестикулировал, порой задевая стоявшие на столе бутылки, которые с удивительной точностью подхватывала Анфиса.

Несмотря на осторожность виноупотребления, финал Матвея неотвратимо приближался. Он понимал, что еще немного, и всё вокруг начнет расплываться, раскачиваться, и скоро ему будет трудно понять, что и зачем происходит. Еще немного, и он не сможет говорить связно, и слова начнут сами вываливаться у него изо рта, не дожидаясь, пока он соберет их в стройные и понятные предложения. Еще пару бокалов – и он уже начнет злиться оттого, что наконец-то понял что-то очень важное, и захочет поделиться со всеми, и будет пытаться рассказывать, но никто не будет слушать: каждый начнет перебивать, говорить что-то свое, и Матвей потеряет эту сверхважную мысль, и от этого он разозлится еще сильнее...

Матвей не очень хорошо помнил, когда Серега заговорил о блогах. Вроде бы они заканчивали третью бу-

тылку и уже обменялись длинными эпопеями покупки квартир, слегка приукрашенными историями создания семей, и одинаковыми оллиноклюзивными впечатлениями от горящих путевок. После чего перешли, наконец, от прошлого к настоящему. И к будущему.

Да, наверное, это была третья бутылка. Мечты о близком и, конечно, прекрасном будущем обычно приходят, когда спиртного, которого сначала было так много, а оказалось так мало, уже почти нет.

Анфиса и Яна незаметно обменялись неуловимыми женскими сигналами и уже окидывали мужчин строгими взглядами контролеров метро. Серега, немного запынаясь, но всё равно достаточно складно, рассказывал о своей работе на конвейере, когда начинал трудиться на фабрике простым рабочим.

– Двенадцать часов как робот, – громко и возмущенно повторял Серега. – И всего шесть действий... Я специально посчитал: повернулся, нагнулся, взял, разогнулся, повернулся, положил. Музыка слушать – нельзя, остановиться – нельзя, посидеть – нельзя. Сходить покурить – тоже нельзя. Как робот – раз, два, три, четыре, пять, шесть.

Серега встал и медленно продемонстрировал шесть отработанных движений.

– А что за фабрика? – поинтересовалась Яна, – с советских времен осталась, наверное?

– Да вот хрен там было! Совместная немецко-финско-датская, что ли, – ответил Серега, глотнул из бокала и продолжил:

– Адова работа! Два перерыва по пятнадцать минут, и але: опять херачить.

Анфиса толкнула Серегу в плечо.

– Не матерись! – рассерженно сказала она. – Сейчас домой пойдем.

– А платили как? – спросил Матвей.

– Платили нормально, только... – сосед вздохнул.

– Я сначала каждый день у станка думал, думал...

Шесть движений – маловато, чтоб голову занять. А потом, через пару месяцев, уже ни о чем и думать не мог. Как отупел. Шесть движений – и ни одной мысли. Голова стала пустая, как кастрюля, – признался Серега.

– Может, и правда, что извилины выпрямляются, если башкой не работать... – грустно добавил он.

Матвей давно понял: чтобы узнать человека, надо дать ему возможность помечтать вслух. Мечты расскажут гораздо больше, чем поступки. Поступок можно совершить случайно, не задумываясь, вдруг. А случайной мечты – не бывает...

– Допустим, Серег, появились у тебя деньги. Много, но до конца жизни не хватит. На фабрике работать больше не надо. И чем займешься? – спросил Матвей.

Все уже были вполне пьяны для того, чтобы говорить откровенно, но еще достаточно трезвы, чтобы понимать друг друга.

К удивлению Матвея, первой отреагировала Анфиса.

– Я бы дело свое открыла. Сразу, – сказала она.

– А сейчас, если не секрет, кем работаешь? – поинтересовался Матвей.

– Гипермаркет стройтоваров «Молоток». Завотделом, – пояснила та.

Матвей улыбнулся накотившим воспоминаниям. Но рассказывать о своем прошлом пока не стал. Слишком увлекательная начиналась тема.

– И какой бизнес хочешь?

– Зоомагазин. Корма и всякие клетки, подстилки для собак, кошек, свинок. Для всей этой живности до-машней.

– Животных любишь? – Матвей с опаской взглянул на собеседницу, ожидая, что польется неконтролируемый поток женской нежности к питомцам, часто при-торный до невозможности.

– Нет, не люблю! – неожиданно ответила та. – Сергей предлагал уже: «Давай собаку заведем». Я ему сразу сказала: «Или я, или собака».

Сергеа посмотрел на Анфису. Его размягченное алкоголем лицо напряглось, глаза сузились, губы сжались. Он явно хотел что-то сказать, но вместо этого залпом выпил вина. И потянулся к бутылке, чтобы вновь наполнить бокал.

«Сергее такие условия, пожалуй, лучше не ставить, – подумал Матвей. – Иначе когда-нибудь он выберет собаку».

– Не люблю я животных, не люблю! – продолжила Анфиса. – Ухаживать еще за ними... И так времени нет. На себя и то не хватает.

– Тогда почему зоомагазин? Я читала, бизнес должен вырасти из хобби. Чтобы заниматься тем, что любишь, – подключилась молчавшая Яна.

– А я деньги люблю, – вызывающе сказала Анфиса, – мне любой бизнес подойдет. Лишь бы прибыльным был.

– Если деньги любишь, можно в банк устроиться кассиром, – пошутил Матвей. – Много деньжищ в руках будет. Каждый день. Правда, чужих, но это мелочи. При такой-то любви...

По взгляду Анфисы Матвей понял, что шутка ей не понравилась. Но она промолчала.

– Анфис, ну почему все-таки зоомагазин? – с улыбкой спросила Яна.

– Потому что помешался народ на животных, – слегка раздраженно ответила Анфиса, – на собаках особенно. Везде с собой таскают, целуют, облизывают. Каждый день вижу. Если женщина дорогой паркет покупает или плитку, обязательно в сумке собака будет сидеть. Как их... маленькие такие, всегда трясутся?

– Тойтерьер, – опять улыбнулась Яна.

– Тойтерьер, точно. У меня подруга в парикмахерской для собак работает. Переучилась. Человеческим парикмахером копейки зарабатывала, и весь день – на ногах. А собачьим – чуть ли не вдесятеро больше. И комфортно, говорит, и чисто, и посидеть можно, когда стрижешь-моешь, и работы – в разы меньше. Пока людей стригла,

она себе Турцию позволить не могла. Начала собак обрабатывать, так теперь между Мальдивами и Сейшелами выбирает... куда себя, любимую, отвезти.

– Так вот, – продолжала Анфиса, – наслушалась подруга в салоне этом собачьем, сколько люди на корма и всякие добавки тратят. Одна маленькая шавка в месяц сжирает больше, чем обычная семья. А вы спрашиваете, почему зоомагазин? Хороший бизнес. Да и вообще – я с людьми работать умею. Давно хочу свое дело. Надоело на дядю спину гнуть.

– Животных многие держат, – согласилась Яна, – кто для детей, а кто – вместо. Детей нет, а любить кого-то надо.

Яна высказала эту мысль очень трезво и практично. К тому времени она уже переключилась на сок. Матвея всегда удивлял ее талант – Яна умела быть рядом, но не вместе.

– А я блоги хочу писать, – неожиданно заявил Серега. – Блогером быть.

Все удивленно уставились на него.

– Опять начал про свои блоги... – в голосе Анфисы слышались ирония и явное превосходство.

Она снисходительно и насмешливо посмотрела на мужа. Именно так взрослые смотрят на десятилетнего ребенка, который заявляет, что точно будет космонавтом.

– Как поддаст, так заводит... старые песни о главном – блоги, видите ли, писать хочет, – продолжила Анфиса, откинувшись на стуле. – Тоже мне, писатель.

– Так блоги – это же просто. Бери и пиши, – с легким удивлением заметила Яна.

– У меня даже подружка пишет, про кулинарию, – продолжила она, – я читаю иногда. Интересно. Секретами делится, фотки выкладывает, в общем, всё как положено. Почти каждый день.

Матвей с недоумением посмотрел на жену. Он первый раз слышал о какой-то подружке-блогерше. Так вот откуда Яна брала все эти невозможные рецепты.

– Ничего вы не понимаете, – Серега словно протрезвел, когда заговорили о нем, – это кажется, что просто. Надо так писать, чтоб людям читать хотелось. На блогах и зарабатывать можно. Между прочим, некоторые миллионы зарабатывают.

– Меня друган подсадил, Антоха, – увлеченно продолжил он, – кинул раз ссылку, мол, почитай, как люди живут. А там – блог бизнесмена какого-то, миллионера, не рублевого. Вот он пишет: как развлекается, как отдыхает. Клубы, тачки, девочки – короче – гламур и всё такое. Я его читал, читал, потом нашел еще несколько. Интересно: бывает, так завернут – черного от белого не отличить. Антоха тоже писать пробовал. Но его читать не стали, он и бросил, – Серега махнул рукой.

– А ты о каком гламуре писать собрался? – спросила Анфиса, неприязненно глядя на мужа. – О фабрике своей? Или у тебя тоже – клубы и девочки? Со всей страной поделиться хочешь? Миллионером для начала стань... Хотя бы и рублевым.

Серега смерил Анфису взглядом, но опять ничего не ответил. Его лицо было спокойным и неподвижным. Матвей не понимал, почему Серега не осадит жену.

– Я думал, ты технарь, – признался Матвей, – а ты вон куда метишь. В блогеры. Знаю. Модно сейчас.

– Технарь написать не может, что ли? – удивился Серега. – Я и сказать нормально могу... Как выпиваем с мужиками, все тосты с меня. Еще пристают потом: «Серег, давай, изобрази что-нибудь прикольное».

– Не понимаете вы, – повторил Серега и по очереди посмотрел на Матвея и Яну. Потом опять на Матвея. На Анфису он смотреть избегал, словно супруги не было в комнате.

– Писать – можно, написать – сложно, – Серега слегка улыбнулся случайной рифме.

И заговорил серьезно и грустно:

– Я пробовал, не выходит. В голове вроде всё есть: рассказать – могу, а написать – не получается. Да и некогда. Утром – на работу, вечером – с работы... Голова чугунная. Как тут напишешь? Особенно толковое что-то...

Сергеа замолчал и задумался. Наверное, о том, что некогда – страшное слово. Почти такое же страшное, как никогда.

– Так вы же, – в голову Матвею пришла забавная мысль, – недавно квартиру продали. Вам бы на всё хватило. Тебе, Анфис, – на зоомагазин, а Сергее – на блоги.

Анфиса с недоумением посмотрела на него.

– Мы же ту квартиру продали, чтобы эту купить, – обстоятельно, как ребенку, объяснила она Матвею.

– Могли не покупать, – возразил Матвей, – занялись бы, чем хотите: магазином... блогами. Заработали, потом бы и купили.

– Ну ты даешь, – удивилась Анфиса, – то магазин, а то квартира. Сравнил. А жить где? Да и какие блоги... Чушь собачья, только время убивать.

Она грозно посмотрела на мужа.

– Зато... каждый из вас мечту бы исполнил, – тихо заметила Яна.

– Ну вы же магазин открывать не стали, тоже квартиру купили, – с едва уловимым раздражением ответила Анфиса.

– Не стали, – согласилась Яна. – А может, и зря, что не стали. Только мы об этом не думали. У нас мечты нет.

Яна посмотрела на Матвея и продолжила:

– У нас – программа: сначала машина, за ней – квартира. Ипотеку выплатим, потом, наверное, на дачу копить будем...

– Ну почему же нет, – возразил Матвей. – Есть у меня мечта. И у тебя тоже. Даже знаю, какая.

– Может быть... – задумчиво произнесла Яна. – Только знаешь, что странно: и у Сергея с Анфисой, и у нас с тобой мечты почему-то – необщие...

После этого разговор быстро увял. Серега с Анфисой посидели еще немного и ушли к себе.

Позже Матвей не раз сталкивался с Сереей в подъезде. Они здоровались. Для поддержания беседы одинаково негодовали, что неугомонные соседи продолжают чуть ли не круглосуточно сверлить свои стены, а заодно – чужие мозги; спрашивали друг у друга, как дела, и, услышав дежурное «всё нормально», удовлетворенно расходились.

Матвей сел на скамейку рядом с Сереей. Сосед выкурил сигарету и тут же вытащил из пачки следующую.

– Что с тобой? – осторожно спросил Матвей. Совместно выпитые три литра вина уже позволяли задать такой деликатный вопрос.

– Анфиска, блин, – Серега явно хотел выматериться, но удержался, – достала: подай ей Мальдивы, и всё тут.

– Я ей говорю, – мрачно продолжал он, – денег осталось мало после ремонта. Какие Мальдивы? Давай в Египет или уж на крайний случай в Таиланд.

– А она? – поинтересовался Матвей.

– Заладила: «У меня с тобой вся жизнь – сплошной Египет. Вон мои подруги: кто из Доминиканы не вылезает, кто фотки Сейшел «ВКонтакте» выкладывает. Я чем хуже? Возьми кредит, и поедem на Мальдивы. Хоть раз в жизни надо побывать».

– А я ей говорю, – Серега повернулся к Матвею, – если у нас денег меньше, так это еще не значит, что мы хуже. Подруги твои могут себе позволить, а мы не можем. Чего за ними гнаться? Всё равно не догоним – масштабы не те.

– Подруги реально богатые? – спросил Матвей.

– Одна – да, а про вторую Анфиска рассказывала, – ответил Серега.

– Которая собак стрижет? – догадался Матвей.

– Она. А первая замуж удачно вышла. У мужа – сеть ресторанов. Ну и денег немерено.

Сергея всё-таки выматерился. Похоже, не выдержал.
– Анфиска как увидит фотки подруги своей богатой, так аж белеет вся. Та, конечно, живет, путешествует. На фотках – яхты, вулканы. Я давно жене сказал: «Отключи на хрен и не смотри!» Скоро с ума сойдут со своим «ВКонтакте».

– Я ж говорил ей, – Сергей продолжал вытряхивать на Матвея осколки семейных ссор, – какой кредит? Если у нас сейчас денег нет, откуда они потом возьмутся? Как отдавать будем? Нет, говорит, бери, и всё тут. Как-нибудь отдадим.

Сергея махнул рукой.

– Ладно, надо идти, – сказал он, вставая.

– За кредитом? – некстати пошутил Матвей.

Сергея посмотрел на него, вздохнул и вошел в подъезд. Наверное, двинулся продолжать борьбу. Всё-таки деньги – самое малое из того, что может сгореть в ледяном пламени женского тщеславия.

Поднялся и Матвей. Пока они разговаривали, тучи затянули небо. Двор, окруженный новыми многоэтажками, в пасмурную погоду становился темным, холодным и неудобным. Соседние дома угрюмо нависали над газоном и детской площадкой и были похожи на высокие крепостные стены, преграждающие путь в большой светлый мир.

Матвей вошел в подъезд. Лифт всё не ехал и не ехал, но Матвей терпеливо ждал. Квартира была на пятнадцатом этаже, поэтому за вспышку справедливого гнева и подъем по лестнице пришлось бы расплачиваться долгой одышкой и болью в ногах. Матвею не хотелось лишний раз убеждаться, что сидячая работа окончательно превратила его в тяжелую статую – в памятник человеку, который забыл, что такое спорт.

Еще до покупки Яна настаивала, чтобы квартира была на одном из верхних этажей. Она хотела, чтобы из окон, как было написано в рекламном буклете, «открывался прекрасный вид на окружающие окрестности».

Вид, действительно, открывался, но Яна быстро забыла про него. Да и Матвей останавливался у окна только для того, чтобы взглянуть на термометр, закрепленный со стороны улицы на оконной раме. Уныло однообразные ландшафты городской окраины были ему давно безразличны.

Лифт приехал. Матвей вошел в кабину и машинально нажал на кнопку с цифрой «15». Пока лифт неторопливо поднимал его на личную высоту, Матвей ощутил посасывание в желудке. По офисному графику время обеда уже закончилось.

Есть ему не хотелось, но желудок недовольно урчал, требуя наполнения. Матвей чувствовал себя непривычно и странно: он уже дома, а впереди – еще почти полдня. И можно не только плюхнуться перед телевизором в надежде, что навязчивые мысли о работе будут, наконец, вытеснены резкими выкриками героев ток-шоу и обрывочными новостями, но и сделать что-нибудь еще.

Однако Матвей пока не знал, что именно. Он всегда приходил с работы поздно вечером. Придавленный плотным ужином к дивану Матвей едва успевал полистать каналы телевизора. На что-то большее не было ни желания, ни сил.

Матвей открыл холодильник и увидел кастрюлю с супом. Крышка на ней была перевернута ручкой вниз. Кастрюля была высокая и не помещалась вместе с крышкой на полку холодильника – мешала ручка. Яна всегда переворачивала крышку ручкой вниз. Если супа в кастрюле было много, ручка слегка погружалась в него. Снимая крышку, Матвей пачкал пальцы в холодном супе.

Его это злило. Он просил Яну ставить в холодильник кастрюлю без крышки. Но она от упрямства или по забывчивости всё равно делала по-своему. Один только вид кастрюли с перевернутой крышкой раздражал Матвея. Порой, открывая холодильник и видя эту злосчастную кастрюлю, он с ходу гробил жене.

Мало-помалу Матвей разлюбил супы. Его злило и раздражало даже то, что Яна вообще их варила. И всё из-за этой чертовой крышки...

Однако больше ничего готового в холодильнике не было. Только суп, сваренный на неделю вперед.

Яна всегда варила суп в воскресенье – большую кастрюлю, чтобы хватило на несколько дней. Однако при этом она каждый вечер готовила ужин. Матвей сначала думал, что Яна варит суп как НЗ, чтобы была хоть какая-то еда на случай ее очередного поражения в борьбе за гастрономические идеалы.

Когда Матвей окончательно разлюбил супы, он сказал об этом жене, ожидая, что она перестанет их варить. Яна не перестала. По-прежнему каждое воскресенье она водружала очередную кастрюлю на полку холодильника. Матвей не понимал, зачем жена это делает. Чаще всего они вообще не притрагивались к супу, и Яна выливали его в конце недели.

Однажды в воскресенье Яна стояла у холодильника, который, хищно приоткрыв дверцу, готов был поглотить очередную кастрюлю свежесваренного супа. Сунув ее в застывшие недра, Яна удовлетворенно вздохнула и гордо посмотрела на мужа.

И вдруг Матвей понял: кастрюля с супом была для Яны символом стабильности семейной жизни. Это был ее личный вклад в нерушимость семейных уз, маленький обелиск, воздвигнутый в знак верности стандартным семейным ценностям.

На всякий случай Матвей внимательно осмотрел все полки холодильника, но больше ничего подходящего не обнаружил. Мысль приготовить что-нибудь самому он быстро отогнал. За восемь лет брака Матвей разучился даже нормально жарить яичницу.

Ему уже не раз приходило в голову, что страх одиночества держит гораздо крепче любви, а неумение готовить и стирать привязывает к женщине сильнее, чем совместное прошлое и общее настоящее.

Матвей вспомнил знакомого своего отца, Андрея Николаевича. Его жену однажды положили на операцию. Андрей Николаевич звонил ей в больницу, чтобы узнать, где в их квартире помойное ведро. Они прожили вместе около сорока лет. Когда Матвей узнал об этом, он понял, что союз таких людей – нерушим. Браки, скрепленные неумением и нежеланием, вечны.

Снимая крышку, Матвей испачкал пальцы в холодном супе и ощутил привычное раздражение. Он налил суп в тарелку, сунул ее в микроволновку и включил на разогрев.

Тревога не ушла и скрывалась где-то совсем рядом. Рутинными движениями Матвею удавалось ее отогнать, но он знал: стоит ему остановиться, она вернется и начнет рисовать картины мрачного будущего.

«Всё к лучшему, – успокаивал он себя, – сколько бы я там ни сидел – яйцо б не высидел. Надо меняться. Двигаться куда-то...»

Матвей лукавил. Ему было страшно, потому что он ничего толком не умел. Всё, чему научился Матвей за свои тридцать три года, – это вовремя говорить нужные слова и писать ненужные письма; ловко уворачиваться от конкретных задач и раскладывать на столе бумаги так, что казалось – он по уши загружен работой; моментально переключать окна браузера и за секунду менять фривольный развлекательный сайт на строгий интерфейс корпоративной почты.

Еще Матвей мог писать отчеты. Красивые отчеты с диаграммами и графиками. Однако с реальностью они соотносились примерно так же, как прогноз погоды по телевизору и за окном.

Но так было не всегда. Когда-то он был активным и быстрым. Хватался за любую возможность узнать что-то новое. Стремился решать проблемы нестандартно и креативно. Хотел расти карьерно и профессионально. Жаждал новых целей и перспектив.

Микроволновка засигналила, оповещая о завершении разогрева. Матвей вытащил тарелку, сунул в суп ложку. Помешал его, обнажая скрытые картофельные утёсы и разгоняя дрейфующие островки коричневой фасоли. И вдруг вспомнил, как начинался его путь во взрослую жизнь.

ГЛАВА 2

После школы Матвей собирался поступать на юридический факультет СПбГУ. Одноклассники на переменах важно перебирали названия знаменитых вузов. Чаще всего звучали московские – МГУ и МГИМО и питерские – СПбГУ и Финэк. Матвей не хотел отставать от других и гордо называл СПбГУ. Диплом престижного вуза казался бессрочным пропуском в успешную сытую жизнь.

Послешкольная реальность безжалостно перечеркнула планы Матвея. Конкурс в СПбГУ был такой, что без глубоких знаний или солидных денег нечего было и пытаться стать студентом.

За десять школьных лет знаний Матвей не накопил. А его родители – не накопили денег. Они жили скромно. Это была та самая скромность, которая издали почти неотличима от бедности.

В качестве компромисса родители предложили Матвею подать документы в малоизвестный вуз, название которого состояло из нескольких трудновыговариваемых аббревиатур. Совсем не то, что он хотел, но зато – бесплатно и рядом с домом. Матвей немного подумал и согласился.

И поступил.

Просто не было альтернативы. Платить за учебу родители не могли. Остаться со скромным школьным аттестатом, когда одноклассники начнут пятилетний забег за дипломами, было стыдно и страшно. Что делать,

если вдруг не поступит, совершенно непонятно. Остался один выход – поступить. Не так уж редко страх поражения становится фундаментом достижений.

Учиться было просто, особенно если ничего не делать. Матвею запомнилось, как с первых дней преподаватели монотонно читали лекции и снисходительно разглядывали первокурсников на семинарах, с профессиональной точностью выявляя потенциальных оболтусов.

Разочарованный школьными результатами, Матвей решил в институте серьезно взяться за учебу и блистать на курсе исключительно пятерками.

И, действительно, сначала он учился. Дословно записывал лекции, расплачиваясь за это тем, что конспекты получались почти нечитаемыми. Готовился к семинарам, с трудом разбирая свой почерк. От и до выполнял домашние задания.

Порой приходилось брать тетради с конспектами у сокурсниц. Каким-то образом они умудрялись записать то же самое, что и он, но при этом понятно и разборчиво. Женщины умеют совершать маленькие бытовые подвиги.

Надолго его не хватило. Увы, в дополнение к аттестату Матвей вынес из школы еще и неумение и нежелание учиться, и этот скверный багаж стал первым препятствием на пути к новой мечте о красном дипломе, повышенной стипендии и славе лучшего студента курса.

Не добавляли рвения к учебе и скучные, неинтересные предметы, которые вылетали из головы сразу же после отметки в зачетке, и, главное, программа их курса, настолько устаревшая, что даже от учебников несло затхлостью.

А потом вообще стало не до учебы. Девушек на курсе было значительно больше, чем парней. Осмотревшись, Матвей мысленно разделил сокурсниц на три группы: обычные, симпатичные и красивые. Последних было

немного, в основном преобладали симпатичные. Из них ему больше всех понравилась Оля.

Она была длинноволосой, пухленькой и веселой. Приветливо улыбалась Матвею, когда тот обращался к ней с каким-нибудь вопросом. Не протестовала, если Матвей садился рядом на лекциях. Вежливо посмеивалась его неуклюжим шуткам.

Как-то после занятий Матвей проводил ее до метро. И, ощущая, как дрожат и сжимаются внутренности, пригласил на свидание.

Они несколько раз встречались по вечерам. Матвей с удивлением обнаружил, что Оля не умеет целоваться, и начал лихо обучать ее первому подростковому таинству. Оля не догадывалась, что весь предыдущий опыт Матвея базировался всего на одном «гаражном» поцелуе. Обучение она приняла благосклонно, и даже с некоторой готовностью. Однако дальше дело не пошло. Руки Матвея, искавшие большего, сразу же непреклонно отстранялись. В эти неловкие моменты они как будто менялись местами, и Ольга казалась старше и опытнее его.

Матвей не останавливался, был терпелив и настойчив. Однако Оля оставалась верна себе. Его это не обижало. Напротив, ее неприступность казалась Матвею признаком правильной девушки. Неправильную Риту, которая полгода назад была для него бесстыдно доступна, он старался не вспоминать.

Но вдруг всё изменилось: их встречи неожиданно прекратились. Однажды Матвей увидел, как Оля идет за руку с их однокурсником, Егором. В юношеской системе координат это была бесспорная измена.

Матвей не стал объясняться с Олей и тем более драться с Егором. Драться он ненавидел с детства. А девушек на курсе было еще много. Обнадеженный низкой конкуренцией, Матвей просто перестал приглашать Олю на вечерние прогулки, а в институте вел себя так, словно они не были знакомы.